
БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА В ОБРАЗЕ КИТАЯ В РУССКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Цуй Ливэй

Кафедра русского языка и методики его преподавания
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2, Москва, Россия, 117198

В статье дается характеристика безэквивалентных слов, служащих для формирования лингвокультурного образа Китая в произведениях представителей дальневосточной эмиграции. Представлена классификация таких единиц по тематике и актуальности. Оценивается роль безэквивалентных слов в вербализации ключевой для эмигрантской лингвокультуры семантической оппозиции «свой — чужой».

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, лингвокультурный образ, дальневосточная эмиграция, этнографические реалии, общественно-политические реалии

Образ Китая, безусловно, выступает одним из центральных в произведениях русских писателей и поэтов, оказавшихся после революции 1917 г. в иной — китайской — лингвокультуре. Этот образ имеет лингвокультурный характер, поскольку основной акцент делается на языковые средства, которые позволяют выявить культурную специфику такого образа. Именно в таком — лингвокультурном — аспекте образ Китая в произведениях представителей дальневосточной эмиграции еще не становился объектом научного рассмотрения. Этим обусловлена актуальность настоящей статьи.

Одним из средств создания национально-культурного образа другой страны выступает безэквивалентная лексика. Под безэквивалентными словами понимают обычно «слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями» [1. С. 42]. В других работах эти лексические единицы называют словами-реалиями [2; 3; 9].

Такие слова помогают создать правдивый, реалистичный образ другой страны, поэтому позволяют описывать Китай как чужую страну, отличающуюся от России.

Безэквивалентные слова отображают разные сферы жизни определенного народа, страны, что обуславливает их разнообразие. Это, в свою очередь, является причиной существования нескольких классификаций подобных единиц, ориентированных на разные критерии [9. С. 5; 7; 2. С. 104—112; 1. С. 45—51].

Для целей нашего исследования мы взяли за основу классификацию С. Влахова и С. Флорина [3], очень подробную, учитывающую несколько критериев и подходящую для описания любой национальной лингвокультуры. В этой классификации обозначены три критерия.

1. Предметное деление: географические реалии, этнографические реалии (быт, труд, искусство и культура), этнические объекты, меры и деньги), общественно-политические реалии.

II. Местное деление: в плоскости одного языка (свои реалии и чужие реалии); в плоскости пары языков (внешние и внутренние реалии).

III. Временное деление: современные; исторические.

По тематическому принципу безэквивалентные слова в составе лингвокультурного образа Китая можно разделить на несколько групп.

I. Этнографические реалии (быт, труд, искусство и культура), этнические объекты, меры и деньги).

A. Слова, обозначающие средства передвижения, прежде всего, по воде:

«И качается, словно зыбка, // Задремавший *сампан* на волне» (К. Батулин «Луна») (*сампан* — собирательное название для различного вида дощатых плоскодонных лодок, плавающих недалеко от берега и по рекам Восточной и Юго-Восточной Азии);

«Смотри, как красиво // У острова *джонки* // Слепились, как грозди, // В ажуре сетей!» (А. Ачаир «В фруктовой лавчонке») (*джонка* — традиционное китайское и японское парусное судно для плавания по рекам и вблизи морского побережья. До сих пор широко используется в водах Юго-Восточной Азии);

«На пыльном тротуаре, где *рикши* зло гогочут...» (М. Спургот «Сердце Лу-Шу») (*рикша* — специфический для стран Восточной и Южной Азии способ передвижения — повозка, которую, взявшись за оглобли, тянет за собой человек; этот человек также назывался *рикшей*).

B. Игры:

«За прилавком купцы полуголые // Бесконечно играют в *маджан*» (О. Скопиченко «Шанхайское захоlustье») (*маджонг* — китайская азартная игра с использованием игральные костей для четырех игроков).

B. Названия типов жилых построек, их частей:

«И *кана* под окном тепло» (Б. Бета «Маньчжурские ямбы»); (*кан* — расположенный вдоль стены невысокий каменный или глиняный выступ, используемый как лежанка, под которым проходят печные трубы);

«В этой *фанзе* так душно и жарко» (Л. Ещин «Про Москву») (*фанза* — тип традиционного жилища, распространенный в Китае, Корее и на Дальнем Востоке России у коренных народов).

О привычности и распространенности последней реалии в культуре российских дальневосточных беженцев свидетельствует не только большое количество примеров с данным словом, но и отмеченные случаи словообразования по распространенным в русском языке словообразовательным моделям, в частности с использованием суффиксов субъективной оценки:

«*Фанзенки* ветхие» (А. Паркау — «Туда — к чужим»); «Это духов злых и вредных // От своих *фанзёшек* бедных // Гонит прочь китайский люд» (Н. Светлов «Новый год Китая»);

«Женьшеньщик сидел в это время в *фанзушке* на корточках перед костром и варил в котелке клецки из муки и отчаянно пахшего дикого чеснока» (М. Шербаков «Корень жизни»).

Г. Наименования видов напитков, блюд, а также разных видов посуды, столовых приборов:

«Горячий *ханшин* чуть туманит» (М. Спургот «Сижу с китайцами в харчевне...») (ханшин — китайская хлебная водка);

«И в фаянсовых посудах чай *лянсин* // Носит грустный узкоглазый бой Лайфу» (И. Орлова «Лайфу») (лянсин — сорт цветочного чая);

«Галдят сёхаи вблизи харчевки, // *Та-хулу* куня спешит купить. // На треугольных хромая ножках, // *Мадамка* с *тоуфу* несет кульки... // (Е. Влади «Тянь-бин») (та-хулу — лакомство; засахаренная боярка; тоуфу — пирог из соевых бобов; тянь-бин — блин из китайской кухни).

Д. Названия особых видов флоры и фауны:

«В гуще *гаоляна*» (В. Март «Три души») (гаолян — однолетнее травянистое растение рода сорго семейства злаков);

«Так бросаются с обрыва в синеву летящим камнем, // Замирая, *саланганы*, и вонзаются в простор» (Л. Андерсен «Только в заводи молчанья может счастье бросить якорь...») (саланган — род птиц подотряда стрижей отряда длиннокрылых; распространены в Юго-Восточной Азии и Австралии);

«Цзян-Куй стоял за *пробковым дубом* и ждал его со взведенным курком» (М. Щербаков «Корень жизни») (дуб пробковый — вечнозеленое дерево, происходящее из Юго-Западной Европы и Северной Африки);

«И фанзы — редкие, возле них — *черные свиньи длинноносые*, похожие на диких кабанов» (Л. Кравченко «Харбин изначальный»); (черная свинья — это разновидность домашних свиней, которая появилась в Юго-Восточной Азии).

Е. Указания на род занятий, должность (в том числе устаревшие) и социальное положение человека:

«На тонкой жерди, точно для антенн, — // Отрубленная голова *хунхуза*» (А. Несмелов «Из китайского альбома») (хунхузничество — это «особый вид бандитизма, свойственный дальневосточному региону» [б. С. 175]);

«...смастерит... всю мебель в пустой казенной квартире... обтянув это китайским «блестким» шелком от *товарника*» (Л. Кравченко «Харбин изначальный») («товарник» — китаец-продавец, разносчик по домам мануфактуры в тюках);

«Потолковав со *старшинкой*, мы решили завтра идти на место с несколькими подводами» (Н. Байков «Охота на тигра») (старшинка — наблюдающий за работами);

«У пожилых степенных *манз* // Идет беседа о посевах...» (А. Несмелов «Наша весна») (манза — китайское население Уссурийского края во второй половине XIX — начале XX веков);

«Каждый корешок приходилось искать неделями, иногда месяцами, а у *женьшеньщика* он нередко находил по несколько штук сразу» (М. Щербаков «Корень жизни»);

«Пока он [Будда] спит, медлительные *бонзы* // Сжигают свечи, ударяют в гонг» (Т. Андреева «Ми-Син») (бонза — в Японии и прочих странах Азии название главного монаха в храме. В европейской литературе этим словом называли любого буддистско-го монаха (члена сангхи) вне зависимости от его ранга).

Ж. Наименования денежных единиц, мер веса, длины и т.п.:

«И агатовые трубки “за *даян*” // Привлекают посетителей ночных» (И. Орлова «Лайфу») (*даян* — китайская серебряная монета);

«В колеснице моей лечу // Над землей на четыре “*чи*”» (В. Перелешин «Пекин») (*чи* — традиционная китайская мера длины);

«Пробежавши десятки *ли*» (Б. Волков «Дракон, пожирающий солнце») (*ли* — название двух китайских единиц измерения расстояния);

«Этот ломоть янтарной дыни // Будет стоять тебе лишь *чох*» (Б. Волков «Дракон, пожирающий солнце») (*чох* — круглая монета с квадратным отверстием посередине [5]);

«И весь комплекс куплен за 8000 *лян* серебра» (*ляна* — китайская мера веса, равная 50 г);

«И бросаю к ногам я сдачу // *Связкой старых слепых монет*» (Б. Волков «Дракон, пожирающий солнце») (содержится указание на особую форму старых монет Китая).

З. Названия специфических явлений природы, форм рельефа:

«Протяжный вой *тайфуна*» (А. Паркау «Харбинская весна»);

«*Тайфуну* огнедышащий дракон // Во тьме кричит...» (А. Ачаир «Тайфун») (*тайфун* — разновидность тропического циклона, которая типична для северо-западной части Тихого океана);

«Желтая *лѣссовая равнина* с размытыми, перебегающими реками...» (В. Иванов «Пекин») (*лѣссовая равнина* — плато в средней части бассейна реки Хуанхэ в Китае).

И. Названия музыкальных инструментов:

«Вдали слыша неискунную // И безутешную *хуцинь*» (В. Перелешин «Хуцинь») (*хуцинь* — китайский струнный смычковый инструмент, род скрипки);

«Рыдает *гонг*, и жертвенник алеет» (Н. Светлов «Сторукая») (*гонг* — традиционный древнекитайский самозвучающий ударный музыкальный инструмент, принадлежит к металлическим идиофонам с неопределённой высотой звучания, обладает мрачным, грозным, зловещим тембром);

К. Названия видов тканей и типов одежды:

«Китайской *фанзой* с *чесучой* // Всегда мы запасались, // В *курмы* с расшитою каймой // Охотно наряжались» (А. Серебренникова «Песенка о Китае») (*фанза* — китайская шелковая ткань; *курма* — на китайской границе — род шубы);

«Синие *курмы* китайцев в полях...» (В. Иванов «Пекин»);

«На переднем плане — китайцы, плотники по-видимому, в темных своих “*дабовых*” курмушках...» (Л. Кравченко «Харбин изначальный») (*дабовый* — традиционная китайская хлопчатобумажная ткань серо-голубого цвета).

Л. Религиозные и философские понятия:

«*Инкарнация*» (название стихотворения И. Орловой);

«А в мгlistый *час Быка*» (М. Щербаков «Женьшень») (*час Быка* — время от 4 до 5 утра (с учетом разницы во времени между Россией и Китаем), время смертей и рождений, воров, убийц);

«Кристалльность. Нетленность. // *Нирвана*. Беспечность. // Нефрит и агат» (А. Ачаир «В фруктовой лавчонке») (в буддизме: священное самозабвение путем погружения духа в ничто; удаление от всего суетного; слияние Будды с высочайшим существом);

«Там в дымке предрассветной голубой // Соприкоснулась я с великой тайной “*дао*”» (Е. Влади «Гонги Пу-дао») (дао (кит. букв. — путь) — одна из важнейших категорий китайской философии).

М. Реалии, связанные с проведением различных обрядов, празднованием национальных праздников. Например, в стихотворении И. Орловой «Лайфу» в описании погребального обряда указаны названия особых тканей для гроба и одежды усопшего, а также цветов этих тканей:

«Словно тень он видит образ дорогой, // *Фермуарами* увитый бледный лоб, // *Красной* шелковой обтянутый *канфой* // С *золотыми* иероглифами гроб ... // Лик покрыл, как погребальный *алтабаз*» (И. Орлова «Лайфу») (канфа — в старину китайский атлас, толстый и плотный; алтабаз — разновидность парчи, плотная шелковая ткань с орнаментом или фоном из золотой или серебряной волооченой нити; фермуар — вид украшения).

С новым годом связано звучание музыкальных инструментов:

«Звуки *скрипок*, *труб* и *гонга*» (Н. Светлов «Новый год Китая»).

Процесс отправления религиозных обрядов также сопровождается упоминанием реалий:

«В тумане *фимиама* дремлют *ламы*, // Рыдает *гонг*, и *жертвенник* алеет» (Н. Светлов «Сторукая») (фимиам — ароматическая смола, благовоние; вещества, сжигаемые при богослужениях).

II. Общественно-политические реалии.

А. Государственные символы, например:

«И рвется в воздухе *пятиполосный флаг*» (А. Паркау «Харбинская весна») (данная реалья важна как указатель времени, поскольку до 1932 г. над Правлением КВЖД в Харбине развевался трехполосный флаг России. Замена его на пятицветный китайский было знаком перехода КВЖД из рук России в руки Китая.)

Б. Названия политических партий Китая:

«... Корявый работал в полном контакте с существовавшей в то время *гоминдановской* полицией» (А. Несмелов «Сторублевка»);

«Китай, его народные массы, одетые в хлопок, не пошли за шелковыми *гоминдановцами*...» (В. Иванов «Мир ничего не знает о Китае») (Гоминдан — консервативная политическая партия Китайской Республики).

В. Названия исторических эпох:

«О ветре Родины стихи на веере // поэта древнего *эпохи Тан*» (В. Кондратович-Сидорова «Китайский веер»).

Г. Названия исторических событий:

«... Байков, ... как и предки мои, заехали в Маньчжурию почти через год после *Боксерского восстания*» (Л. Кравченко «Харбин изначальный»);

«В первой половине XIX века в Китае было свыше нескольких десятков разного рода восстаний. Эти отдельные ручейки в конце концов слились в одну мощную реку *Тайпинского восстания*, хлынувшего в 1850 г. из провинции Гуанси» (В. Иванов «Мир ничего не знает о Китае»).

Д. Названия должностей, в том числе и устаревших:

«... к ... власти начинают приходить военные группировки, особенно те генералы из них, так называемые “*дудзюны*”, которые участвовали в революции 1911 г.» (В. Иванов «Мир ничего не знает о Китае») («дудзюнат» — система военного управления отдельными провинциями и районами Китая через дудзюней (военных губернаторов).

С точки зрения актуальности можно выделить актуальные реалии (их большинство) и реалии-историзмы, в частности наименования чиновничьих должностей в различные периоды истории Китая:

«*Мандарина* дочь ...» (мандарин — название чиновников феодального Китая);

«Принимал ларец, *богдыхана* дар» (богдыхан — в XVI—XVIII вв. наименование императоров Китая династии Мин) (оба примера из стихотворения М. Коростовец «Китайская шкатулка»). Реже представлены историзмы бытового характера: «Разукрашенный цветами *паланкин*» (И. Орлова «Лайфу») (паланкин — средство передвижения в виде укрепленного на длинных шестах крытого кресла или ложа, переносимого носильщиком).

Особую культурную информацию исторического характера несут лингвокультурные детали «стянутые ноги», «маленькие ноги», «треугольные ножки», которые однозначно подчеркивают высокое социальное положение героинь. Обычай перетягивать ноги маленьким девочкам относится к средневековью, он существовал в Китае достаточно долго. Перевязывали ноги преимущественно представительницам высоких сословий, маленькие, «лотосовые» ножки считались красивыми, хотя зачастую их обладательницы не могли самостоятельно передвигаться, поэтому на данную традицию указывают также детали «неуверенная походка» и близкие к ней:

«А сами китайцы, с косами, халаты — узкие, разрезаны по бокам, выходили к поезду во множестве, глядели на невиданных белых «мадама»! Свои женщины у них — в штанах бумажных, на шиколотках перевязанных, с *нетвердой походкой* — ноги с детства *затянуты в колодки* — по приказу якобы некоего давнего императора, когда от него убежала жена...» (Л. Кравченко «Харбин изначальный»);

«Девочка скользнула, торопливо // *Стянутыми ножками* ступая...» (М. Коростовец «Феникс»);

«О, я видела знатных дам! // *Забинтованы ножки* туго» (Б. Волков «Дракон, пожирающий солнце»).

Не случайно героиня последнего произведения сожалеет:

«*Мои ноги большие босы*» (эта деталь подчеркивает бедность, низкое происхождение девушки). Ноги в результате проводимых манипуляций приобретали форму маленьких треугольников, что и отражено в следующем словосочетании: На *треугольных* хромая ножках, // *Мадамка* с тоуфу несет кульки... // (Е. Влади «Тянь-бин»). Бедные девушки испытывали невыносимую боль при ходьбе: «Льются слезы Мэй-Лань невольные: // В *забинтованных ножках* больно ей» (Е. Влади «Мэй-Лань, Осень моя»).

Помимо китайских реалий, в произведениях поэтов дальневосточной эмиграции встречаются реалии японские, что подтверждает мысль о том, что Китай предстает в контексте более обширного концепта «Восток»:

«Разодетый *самурай* под *цветущей вишней* // Чертит на дереве заветное имя» (В. Иванов «Японские стихи») (самурай — в феодальной Японии — светские феодалы, начиная от крупных владетельных князей и заканчивая мелкими дворянами; в узком и наиболее часто употребляемом значении — военно-феодальное сословие мелких дворян; цветущая вишня — цветение сакуры издавна является символом наступления весны в Японии);

«*Танка*» (название стихотворения М. Щербакова) (Танка — 31-слоговая пятистрочная японская стихотворная форма, основной вид японской феодальной лирической поэзии);

«А под окном олеандры в цвету. // Белый *хибачи* соседки дымится. .. //... С улицы слышен звук *самисена*» (Т. Баженова «Япония») (хибачи является традиционным грилем в Японии; самисен — японский щипковый трехструнный музыкальный инструмент).

Некоторые реалии (что подчеркивает их значимость, распространенность в дальневосточной лингвокультуре) выступают в составе сравнений в качестве эталонов:

«Мой голос звучал, словно *бронзовый гонг*» (Л. Ещин «Поняла»); «*Как мандарин*, торжественно-спокойно» (В. Март «У Фудзядана»); «И сердце вдруг вздымает бурно, // *Как от тайфуна иль грозы*» (М. Спургот «Сижу с китайцами в харчевне...»); «Лишь кто-то мудрый начеку, // *Как Будда*, нем и тих» (А. Ачаир «Барабанная дробь»).

Как видим, в составе сравнений выступают реалии разных тематических групп, в том числе и историзмы.

Что же касается деления реалий по месту, то в связи с целями нашего исследования мы выбрали для анализа только чужие реалии, связанные с китайской лингвокультурой, участвующие в формировании лингвокультурного образа Китая. Как видно из приведенных примеров, для обозначения китайских реалий используются в основном заимствованные, транскрибированные китайские слова, реже для этого служит исконно русская лексика (например, слово «кумирня», «харчевка»).

Примеры словообразований от китайских лексем по русским словообразовательным моделям свидетельствуют о том, что данные слова и предметы, которые они обозначают, были приняты системой русского языка и вошли в лингвокультуру русских, проживавших в Китае; данные слова вписываются в русскую систему склонения.

Итак, как видим, особенностью безэквивалентных слов в лингвокультурном образе Китая является то, что эти слова связаны только с китайской лингвокультурой, большинство из них являются актуальными, не относятся к историзмам. В отношении тематики следует указать на преимущественное использование этнографических реалий, что говорит о том, что писатели—представители дальневосточной эмиграции воспринимают Китай в основном в бытовом аспекте, это

образ Китая как места проживания, не как страны или государства. Реалии-историзмы формируют образ старой страны, древней цивилизации с давними традициями.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990.
- [2] *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001, 224 с.
- [3] *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М., 1986.
- [4] *Иванов В.Н.* Ответ Китая: тайные общества // «Мир ничего не знает о Китае». URL: <http://slavs.org.ua/dragon-s-kopytami-dyavola>
- [5] *Ивановский А.О.* Медная монета в Маньчжурии. СПб., 1893. URL: <http://www.charm.ru/ru/Ivanovskiy.htm>
- [6] *Меряшкина Е.В.* Образ хунхуза в прозе писателей дальневосточного зарубежья // Вестник Кемеровского государственного университета. Вып. № 4 (60). Том 3. 2014. С. 175—180.
- [7] *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М.: Аспент-пресс, 1996.
- [8] *Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич.* М.: Время, 2001. 720 с.
- [9] *Томахин Г.Д.* Реалии — американизмы: пособие по страноведению. М.: Высшая школа, 1988.
- [10] *Харбин.* Ветка русского дерева: Проза, стихи / сост. Д.Г. Селькина, Е.П. Таскина]. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991.

NON-EQUIVALENT WORDS IN THE IMAGE OF CHINA IN RUSSIAN EMIGRANTS' LINGUISTIC CULTURE

Cui Liwei

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10, building 2, Moscow, Russia, 117198

The article gives a specific description of the words with no direct equivalents that are used to create the cultural and linguistic image of China based on the works of the Far-Eastern emigrants. The classification of these words is provided according to the object and actuality. The role of the words in verbalizing the essential for emigrant linguistic culture semantic opposition “our — foreign”.

Key words: non-equivalent vocabulary, cultural and linguistic image, Far-Eastern emigration, ethnographic fact, socio-political environment

REFERENCES

- [1] *Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G.* Yazyk i kultura: lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo [Language and Culture: Linguistic Country Studying in Teaching Russian as a Foreign Language]. М.: Russkij yazyk, 1990.

- [2] Vinogradov V.S. Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy) [Introduction to Translatology (General and Lexical Questions)]. M.: Izdatelstvo institute obshchego srednego obrazovaniya RAO-2001 S. 224.
- [3] Vlahov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode [The Untranslatable in Translation]. M., 1986.
- [4] Ivanov V.N. Otvet Kitaya: tajnye obshchestva [Chinese Answer: Secret Societies] // «Mir nichego ne znaet o Kitae» [The World Knows Nothing About China]. Ehlektronnyj resurs. Rezhim dostupa: <http://slavs.org.ua/dragon-s-kopytami-dyavola>
- [5] Ivanovskij A.O. Mednaya moneta v Manchzhurii [Copper Coin in Manchuria]. SPb., 1893. Ehlektronnyj resurs. Rezhim dostupa: <http://www.charm.ru/ru/ivanovskiy.htm>
- [6] Meryashkina E.V. Obraz hunhuza v proze pisatelej dalnevostochnogo zarubezhya [The Image of Hunghez in the Prose of Writers of Far East Emigration]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Vypusk № 4(60). Tom 3. 2014. S. 175—180.
- [7] Reformatskij A.A. Vvedenie v yazykovedenie [Introduction to Linguistics]. M.: Aspent-press, 1996.
- [8] Russkaya poehziya Kitaya [Russian Poetry of China]: Antologiya / Sost. V.P. Krejd. O.M. Bakich. M.: Vremya, 2001. S. 720.
- [9] Tomahin G.D. Realii — amerikanizmy [American Realia]. Posobie po stranovedeniyu [Manual on Country Studying]. M.: Vysshayav shkola, 1988.
- [10] Harbin. Vetka russkogo dereva [Harbin. A Branch of a Russian Tree — Prose, Poetry]. — Proza, stihi [Sost. Selkina D.G., Taskina E.P.] Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatelstvo, 1991.